

П. И. Шульга^{1✉}, Д. П. Шульга²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Центр экономической и социальной истории
Института общественных наук Президентской академии
Москва, Россия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

К вопросу о возможных связях могильника Мацзяюань и пазырыкской культуры

В статье рассматривается вопрос об источниках появления в IV–III вв. до н.э. в Северном Китае на могильнике Мацзяюань (западные жуны, культура янлан) предметов звериного стиля, украшавших колесницы и воинские пояса. Значительное внимание обращается на работы китайских исследователей, усматривающих истоки звериного стиля в пазырыкской культуре. Авторы статьи разделяют эту точку зрения, но полагают, что в Мацзяюань нет артефактов, напрямую привнесенных из пазырыкской культуры. Влияние пазырыкской культуры могло быть косвенным и относившемся только к звериному стилю. Нет достоверных данных и об обратном процессе – влиянии или проникновении носителей культуры янлан на Алтай в IV–III вв. до н.э. Тем не менее находки в Пятом Пазырыкском кургане не исключают вероятности происхождения из западных жунов погребенной там женщины, названной С. И. Руденко «китайской принцессой». На это могут также указывать особенности «сцены терзания» на татуировке женщины и головной убор «восточного типа». Несомненный интерес представляет наличие в кургане «колесницы» с четверкой упряжных лошадей, если рассматривать эту находку с точки зрения погребальной обрядности. Подобный обряд захоронения с колесницей и четверкой лошадей зафиксирован в культуре янлан и в Мацзяюань. Существовал он и в государствах Северного Китая, но наличие татуировки со «сценой терзания» на руке женщины показывает, что она происходила из среды варваров, возможно, из объединения западных жунов, единственного среди скотоводов этого времени, где местная элита достигла уровня китайской знати.

Ключевые слова: Северный Китай, Саяно-Алтай, пазырыкская культура, культура янлан, могильник Мацзяюань, курган Иссык, звериный стиль, колесницы.

P. I. Shulga^{1✉}, D. P. Shulga²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Center for Economic and Social History
Institute of Social Sciences The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
Moscow, Russia
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

On the Possible Connections Between the Majiayuan Cemetery and the Pazyryk Culture

The article examines the origins of animal-style artifacts that decorated chariots and military belts in the 4th–3rd centuries BCE at the Majiayuan cemetery in Northern China (associated with the Western Rong and the Yanglang culture). Considerable attention is paid to the works of Chinese researchers who trace the origins of this animal style to the Pazyryk culture. The authors share this view but believe that no artifacts directly imported from the Pazyryk culture have been found at Majiayuan. The influence of the Pazyryk culture could have been indirect and limited to the animal style alone. There is also no reliable evidence of any reverse process — that is, the influence or penetration of Yanglang culture bearers into the Altai region during the 4th–3rd centuries BCE. Nevertheless, finds from the Fifth Pazyryk Barrow do not exclude the possibility that the woman buried there — referred to by S.I. Rudenko as the “Chinese princess” — originated from the Western Rong. This possibility is also suggested by features of the “tormenting scene” in the woman’s tattoo and her “eastern type” headdress. Of particular interest is the presence of a chariot with a four-horse team in the barrow, especially when considered from the perspective of funerary rites. A similar burial

practice involving a chariot and four horses has been documented in the Yanglang culture and at Majiayuan. Such rites also existed in the states of Northern China. However, the “tormenting scene” tattoo on the woman’s arm indicates that she came from a barbarian environment, possibly from the Western Rong confederation — the only group among the pastoralists of that period whose local elite reached the level of the Chinese nobility.

Keywords: Northern China, Sayan-Altai, Pazyryk culture, Yanglang culture, Majiayuan cemetery, Issyk kurgan, animal style, chariots.

Введение

Тема контактов носителей пазырыкской культуры со скотоводами и земледельцами Северного Китая в полной мере обозначилась уже в ходе раскопок могильника Пазырык в 1947–1949 гг. [Руденко, 1953, с. 356–358]. Обнаружение шелковых тканей, китайского зеркала, изображений в «китайском» стиле и «колесницы» позволили С. И. Руденко даже предположить погребение в Пятом Пазырыкском кургане (Республика Алтай) «китайской принцессы» [1960, с. 236]. В последующие годы специальные анализы лаков, шелка, седел и других изделий из курганов пазырыкской культуры подтвердили их происхождение из Северного Китая. Вместе с тем отечественные и зарубежные исследователи отмечают и обратное влияние – проникновение образов звериного стиля с Алтая в Северный Китай, обнаруживаемых в районах нахождения царств Янь, Чжао и Цинь.

Новый импульс к изучению данного вопроса с публикациями, преимущественно на китайском и английском языках, придали начатые в 2006 г. раскопки элитного могильника Мацзяюань в восточной части Ганьсу (Китай), где были обнаружены многочисленные изделия в зверином стиле, не характерном для Северного Китая. Источниками инноваций назывались сакская или пазырыкская культуры. К настоящему времени наиболее развернутое обоснование предложили сторонники связей Мацзяюань с пазырыкской культурой [У Сяюнь, 2016; Лю Ян, 2021; Шульга П. И., Шульга Д. П., 2024]. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении прямое влияние пазырыкцев в искусстве Мацзяюань не фиксируется, что предполагает существование в IV–III вв. до н.э. более сложного механизма взаимодействия скифоидных образований Северного Китая с пазырыкской культурой.

Обсуждение

1. О сакском влиянии.

Могильник Мацзяюань находится в восточной части Ганьсу к северо-востоку от г. Тяньшуй в южной части ареала культуры янлан, к которой относится по сходству погребального обряда и предметного комплекса. К настоящему времени на могильнике обнаружено ок. 60 погребений, в т.ч. элитных, содержащих значительное количество колесниц, украшенных изображениями в зверином стиле. Помимо этого, в захоронениях обнаружены предметы конского

снаряжения, оружие, украшения поясов и одежды и бронзовые сосуды, изготовленные местными и китайскими мастерами. По всем данным могильник представляет собой кладбище западных жунов, погребавших представителей знати в IV–III вв. до н.э. до и после включения этих земель во владение соседним царством Цинь в 280–270 гг. до н.э.

Особое внимание исследователей привлекли многочисленные украшения в зверином стиле, изготовленные из золотого и серебряного листа, а также отлитые из золота. Значительную часть из них составляли одиночные изображения тигров, козерогов и ажурные орнаменты, украшавшие колесницы. Они и стали основным объектом изучения и сравнительного анализа с предметами звериного стиля саков и пазырыкской культуры. По причине большого разнообразия образов в искусстве Мацзяюань и неполной их публикации из украшений колесниц, в основном рассматривались изображения тигров и козерогов. Из деталей поясной фурнитуры анализировались концевые бляхи с изображениями хищника (тигр, волк), терзающего травоядное животное (олень, овца) (см. рисунок, 5). Поясные «бабочковидные» бляшки зарубежными исследователями почти не рассматривались.

Авторы одной из первых получивших широкую известность аналитических статей источником образцов звериного стиля в Мацзяюань посчитали сакскую культуру, и предположили «прямую связь между Семиречьем и внутренними районами династического Китая» через Синьцзян и Ганьсуйский коридор с опорными точками в районе Урумчи (могильник Алагоу) и Хами [Yang Jianhua, Linduff, 2013, p. 81]. По их мнению, в могиле МЗ в Мацзяюань была погребена женщина из сакской среды (возможно, из Семиречья) со своим приданым – колесницами, украшенными изображениями козерогов и кошачьими хищниками, вырезанными из золотых и серебряных листов. При этом было сделано несколько неоправданных допущений, в т.ч. о существовании в то время по этому маршруту раннего варианта Шелкового пути [Шульга П. И., Шульга Д. П., 2024, с. 209]. Для сравнительного анализа от сакской культуры привлечено лишь одно погребение «золотого» человека из кургана Иссык (Казахстан), для которого была принята «подходящая» явно омоложенная дата III–II вв. до н.э., взятая из популярного издания [Yang Jianhua, Linduff, 2013, p. 75]. Еще большую степень сакского влияния на Китай предположил южнокорейский

Образцы звериного стиля из Северного Китая (1, 3–5, 7, 7a), кургана Иссык (2) и Пятого Пазырыкского кургана (6).

1, 3–5, 7, 7a – изображения в виде тигров, козрогов и «сцен терзания» из могильника Мацзяюань; 2 – изображения на головном уборе; 6 – фрагмент татуировки со «сценой терзания».

археолог Кан Ин Ук, по мнению которого Мацзяюань стал лишь одним из пунктов продвижения групп сакских мастеров вплоть до района современного Пекина [Кан Ин Ук, 2018, с. 401].

Не останавливаясь на несомненно значимой теме сакского влияния на сопредельные территории, отметим, что упомянутые выше точки зрения не получили развития, поскольку по справедливому заключению У Сяюнь «большинство этих суждений довольно умозрительны» [2016, с. 7].

2. О пазырыкском влиянии.

Значительно больше оснований видеть в материалах Мацзяюань пазырыкское влияние.

Из сторонников этой точки зрения наиболее развернутый анализ художественных изделий из Мацзяюань и пазырыкской культуры с привлечением данных по сакам Казахстана и других культур Сая-

но-Алтая представлен в работах У Сяюнь и Лю Яна. Несмотря на неполное знание русскоязычных публикаций по указанным регионам за последние 10–20 лет, оба исследователя единодушны в понимании: а) сходства многих изображений существ из Мацзяюань с известными в пазырыкской и других культурах Саяно-Алтая; б) наличия существенных различий с изделиями в кургане Иссык. При этом У Сяюнь ограничила анализ предметами искусства типа найденных в Мацзяюань, но в комплексе с найденным там вещевым комплексом, включая колесницы. Заметное место в ее статье занимают описания археологических комплексов пазырыкской культуры, предназначенные для китайской аудитории. В работе Лю Яна рассматриваются только образцы звериного стиля, однако исследование выполнено на высоком уровне с анализом их происхождения, с учетом подобных изделий из других районов Северного Китая и зарубежных коллекций.

Значительное внимание традиционно уделено образам тигра и козерога, наиболее полно представленных в могильнике Мацзяюань. У Сяюнь показала отличие козрогов от найденных в Иссике и сходство их с крылатыми козрогами в Берели. Отмечено, что мастера из Мацзяюань изображали завиток на спине козрогов не как крыло, а как закручен-

ный конец гривы или выступ над передней ногой (см. рисунок, 3). Из чего сделано вполне обоснованное заключение, что мастера из Мацзяюань воспроизвели образ козерога, не понимая семантики завитка, очевидной для кочевников Казахстана и Саяно-Алтая [У Сяюнь, 2016, с. 14]. В этом отношении представляет интерес сравнительная оценка У Сяюнь двух композиций: а) с головного убора из кургана Иссык, где фигурируют тигры и козероги на фоне гор (см. рисунок, 2), и б) фрагмент на колеснице в Мацзяюань с изображениями тигров, козрогов и ажурных орнаментов (см. рисунок, 1). В сцене из Иссика предполагается некий сюжет с выраженной экспрессией, тогда как в Мацзяюань животные расположены «отдельно», без явного взаимодействия [Там же, с. 13]. Вполне вероятно, что мастера, оформлявшие борта колесницы в Мацзяюань, стремились лишь украсить их двумя

видами значимых существ. Если исходить из факта изготовления части колесниц и поясных бляшек из Мацзяюань китайскими мастерами [Шульга П. И., Шульга Д. П., 2024, с. 211–212], то вполне вероятно, что и китайские мастера украшали колесницы, не предполагая какого-либо сюжета.

Лю Ян основное внимание обратил на образы тигров (волков) и их жертв («сцена терзания») на золотых концевых поясных бляхах из Мацзяюань, а также бронзовых блях из других районов Северного Китая. Характерные особенности этих блях изложены в пяти пунктах.

1) Тигр (волк) всегда изображался с четырьмя лапами. На некоторых экземплярах одна из передних лап вытянута вперед, сжимая добычу. Тело хищника богато украшено запятыми, треугольными фигурами, бисерным орнаментом и параллельными линиями (см. *рисунок, 5*).

2) Имеют черты фантастического животного – гриву и хвост, заканчивающихся завитком с ушастой «птичьей» головкой.

3) Добыча представлена неспособными сопротивляться травоядными животными (олень, овца?). Головы их часто находятся в пасти хищника, круп с задними ногами вывернут на 180°. На многих бляхах между двумя лапами хищника (под животом) изображено маленькое животное, больше похожее на детеныша пожираемого существа.

4) На всех сценах терзания сохраняется контраст между крупной фигурой хищника и мелкими изображениями травоядных жертв.

5) Сцены терзания статичны (спокойны), без выраженного ожесточения схватки.

В целом на могильнике Мацзяюань выделяется два основных типа изображений тигров. К первому относятся хорошо узнаваемые изображения тигров с гривой-завитком и без завитка, украшавшие колесницы. Головки грифонов на концах грив и хвостов у них отсутствуют, контур головы округлый (см. *рисунок, 3*). Ко второму типу относятся изображения «тигров» с чертами волка на концевых поясных бляхах, изготовленных из золотого листа различной толщины. На бляхах представлен вариант «сцены терзания», представленной на памятниках скифского времени в Северном Китае и Южной Сибири. Особенностью варианта из Мацзяюани является наличие головок грифонов на концах грив и хвостов, сходящихся в районе лопаток хищников (см. *рисунок, 5*). Наличие не одного, а двух травоядных животных с вывернутым крупом у морды хищника и под его животом. Голова первого травоядного часто находится в пасти хищника.

В разделе о происхождении данного сюжета Лю Ян подробно рассматривает серию подобных поясных блях, в том числе с маленьким существом между ног хищника, которое, по мнению исследователя, больше похоже на детеныша травоядного, а не детеныша тигра (волка). С учетом факта отсутствия

таких изображений в других областях Китая, а также особенностей их исполнения предполагается, что подобные бляхи из государственных и частных коллекций, происходят из региона Ганьсу-Нинся [Лю Ян, 2021, с. 30].

Несомненный интерес представляют опубликованные бляхи с орнаментацией хищников в «китайском» стиле. Именно на них изображены маленькие существа между ног хищника, а также сцены, где тигр (волк) держит жертву лапой за шею. По всей видимости, часть данных особенностей появилась под влиянием китайских мастеров, как это имело место и при изготовлении поясных «бабочковидных» бляшек в элитных погребениях могильника Мацзяюань.

В разделе о «происхождении образа тигра (волка), пожирающего травоядное животное» Лю Ян polemизирует с известным археологом У Энем, полагавшим, что эти анималистические изображения впервые сформировались в западной части среднего участка Великой Китайской стены, а затем распространились на пазырыкскую культуру и оказали влияние на ранние кочевые культуры соседних регионов [Там же, с. 32]. По мнению Лю Яна, бляхи с изображениями тигров (волков) без головок грифонов на хвосте и гриве, пожирающих травоядных животных, обнаруженные в средней части Великой Китайской стены на севере, относятся к среднему и позднему периоду Воюющих царств. Соответственно, образ хищника с грифоньими головками на хвосте и гриве сформировался за пределами Северного Китая, и, возможно, привнесен из пазырыкской культуры [Там же, с. 33].

Отдавая должное исследователю, необходимо пояснить, что зарубежные специалисты, как правило, представляют пазырыкскую культуру в объеме опубликованной в 1970 г. на английском языке монографии С. И. Руденко. Замечательные изображения «сцен терзания» с тиграми, баранами, лосями и кабанями на колоде из Башадара-2 [Руденко, 1960, рис. 21] ими воспринимаются как очевидный факт широкого распространения изображений характерной «сцены терзания» в пазырыкской культуре с VI в. до н.э. Похожая ситуация наблюдается и в разделах по изображениям грифонов и поясным бляшкам [Лю Ян, 2021, с. 43–53]. В ходе просмотра многочисленных вариантов изображения грифонов в работах С. И. Руденко и других исследователей пазырыкской культуры, у некоторых зарубежных специалистов непроизвольно складывается впечатление и о распространении на Алтае поясов с концевыми бляхами со «сценами терзания» и поясных «бабочковидных» бляшек с изображением стилизованных грифонов. В действительности, для пазырыкской культуры сцены из Башадара-2 уникальны, концевые поясные бляхи со «сценой терзания» вовсе отсутствуют, а «бабочковидные» поясные бляшки представлены всего лишь несколькими экземплярами.

Заключение

Принимая в целом точку зрения о возможном значительном влиянии пазырыкской культуры в IV–III вв. до н.э. на группу западных жунов, оставивших могильник Мацзяюань, необходимо сформулировать несколько предварительных положений.

1) Для полноценного сравнительного анализа темы взаимосвязей пазырыкской культуры и могильника Мацзяюань необходимо привлечение данных по другим могильникам культуры янлан, к которой относится Мацзяюань. Он имеет много особенностей, связанных с элитным статусом захоронений, сильным китайским влиянием культуры царства Цинь, а также с расположением могильника в самой южной части ареала культуры янлан.

2) В опубликованных материалах из Мацзяюань, на взгляд авторов данной статьи, нет ни одного артефакта, напрямую привнесенного из пазырыкской культуры. Влияние пазырыкской культуры можно считать косвенным и относившемся только к звериному стилю. В искусстве пазырыкской культуры IV–III вв. до н.э. отсутствуют характерные для Мацзяюань и культуры янлан статичные «сцены терзания», почти не встречаются поясные «бабочковидные» бляшки. Полностью отсутствуют и поясные секционные бляшки, распространившиеся в культуре янлан под влиянием культуры шацзин. Вместе с тем в Мацзяюань и в культуре янлан нет изображений «копытного грифона», по-видимому, маркирующих распространение некой общности, связанной с пазырыкской культурой.

В целом с некоторыми коррективами следует согласиться с выводом, что вещевой комплекс и художественные образы Мацзяюань сложились из нескольких источников, сформировавших уникальный облик могильника: 1) местные традиции западных жунов (культура янлан); 2) культуры евразийской степи (включая пазырыкскую) и Северного Китая (включая культуру шацзин); 3) соседнее государство Цинь; 4) другие царства Центральной равнины [У Сяюнь, 2016, с. 2].

3) Нет достоверных данных и об обратном процессе – влиянии или проникновении носителей культуры янлан на Алтай в IV–III вв. до н.э. Тем не менее следует обратить внимание на чрезвычайно интересные находки в Пятом Пазырыкском кургане, связанные с погребенной там «китайской принцессой». 1) Как уже отмечалось, на руке погребенной там женщины обнаружена татуировка с необычной для пазырыка сценой терзания оленей. Единственная известная авторам аналогия этой сцене имеется на золотом поясном крючке из Мацзяюань, где хищники хватают свою жертву лапой за ногу, как на поясных бляхах (см. рисунок, 6, 7, 7а) [Баркова, Панкова, 2005, рис. 14; Шульга П. И., Шульга Д. П., 2024, с. 212]. 2) В этом же кургане находилась пока единственная в пазырык-

ской культуре разобранный повозка («колесница») и четыре упряжных лошади с однотипными скромными уздечками [Руденко, 1953, с. 55–60; 1960, с. 232–236; Шульга П. И., 2015, с. 83]. 3) Важно отметить, что у женщины имелся «восточный» головной убор с деревянной основой, подобный убору с известной сцены «всадники под деревом» на Р-образной поясной бляхе из коллекции Петра I [Руденко, 1953, табл. XXVI, 2; Грязнов, 1961, рис. 106].

Найденные там китайские изделия, включая украшенный фениксами шелк, и повозка («свадебная колесница») с четверкой лошадей сразу же были связаны С. И. Руденко с погребенной в кургане женщиной. При этом повозка рассматривалась как китайское транспортное средство и как возможный подарок [Руденко, 1953, с. 356–358; 1960, с. 236]. После обнаружения на женщине указанной татуировки ее связь с Китаем получила некоторое подтверждение, но общая оценка комплекса не изменилась.

Между тем, если посмотреть на эти находки с точки зрения погребальной обрядности скифоидной культуры янлан и могильника Мацзяюань, то оценка их может измениться. Дело в том, что в культуре янлан в V–III вв. до н.э. в элитное погребение с ориентированным в восточном направлении умершим помещали одну или несколько колесниц с четверками лошадей (см. обзор: [Шульга П. И., 2023]). Несмотря на сходство погребального обряда пазырыкцев (наличие конских подхоронений и восточная ориентация умерших), на наш взгляд, можно говорить о совершении в Пятом Пазырыкском кургане захоронения по обряду, близкому отмеченному в культуре янлан. Похожая обрядность существовала и в государствах Северного Китая, но наличие татуировки со «сценой терзания» на руке женщины показывает, что она происходила из среды варваров. Не исключено, что это было объединение западных жунов, единственное среди скотоводов этого времени, где местная элита достигла уровня китайской знати.

Финансирование

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0002 «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья».

Список литературы

Баркова Л. Л., Панкова С. В. Татуировки на мумиях из Больших пазырыкских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – Т. 22, №2. – С. 48–59.

Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сб. гос. Эрмитажа. – Л., 1961. – Вып. 3. – С. 7–31.

Кан Ин Ук. Распространение золотой культуры саков и формирование великого шелкового пути // Золото власте-

линов Казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. – Сеул: Национальный научно-исследовательский Ин-тут культурного наследия Респ. Корея. – 2018. – С. 376–417.

Лю Ян. Цинь юй жун: цинь вэньхуа юй сижун вэньхуа шиньянь каогу чэнго чжань (Найденные в Мацзяюань золотые, серебряные и бронзовые украшения в форме животных отражают элементы евразийской степной кочевой культуры) // Цинь и жуны: презентация археологических достижений культуры Цинь и западных жунов по результатам раскопок за десять лет. – Пекин: Культурное наследие (Вэньбу). – 2021. – С. 24–70 (на кит. яз).

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.

У Сяюнь. Шаньдянь шандэ сюнлу, мэнху юй е шаньян: Мацзяюань мачэ цаююань чжуанши дэ лайюань юй чуаньбо туцзин (Олени, тигры и дикие козы на вершинах гор: следы степных декоративных традиций на колесницах Мацзяюань) // Palace Museum Academic Quarterly. – 2016. – Т. 34, № 1. – С. 1–50 (на кит. яз).

Шульга П. И. снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье (VI–III вв. до н.э.). – Ч. II. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 322 с.

Шульга П. И. Колесничество и верховая езда у скифоидного населения Северного Китая (культура янлан) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2023. – № 15. – С. 635–651.

Шульга П. И., Шульга Д. П. «Эллины» или «скифы»: проблема инокультурных влияний в Северном Китае во второй половине I тыс. до н.э. // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 204–223.

Yang Jianhua, K. M. Linduff A. Contextual Explanation for “Foreign” or “Steppic” Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor // Asian Archaeology. – 2013. – Vol. 1. – P. 73–84.

References

Barkova L. L., Pankova S. V. Tatuirovki na mumiyakh iz Bolshikh pazyrykskikh kurganov (novye materialy). *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, 2005. Vol. 22, No. 2. P. 48–59.

Gryaznov M. P. Drevneyshiye pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoy Sibiri. In *Arkheologicheskiy sbornik gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1961. Iss. 3. P. 7–31. (In Russ.).

Kan In Uk. Rasprostraneniye zolotoy kultury sakov i formirovaniye velikogo shyolkovogo puti. In *A. Ongaruly et al. (eds.). Zoloto vlastey Kazakhskikh stepey. Sovmestnyy katalog Respubliki Koreya i Respubliki Kazakhstan*. Seoul: National Research Institute of Cultural Heritage of the Republic of Korea, 2018. P. 376–417. (In Russ.).

Liu Yang. Mǎjiāyuán chūtū de jīn, yín, qīngtóng dòngwù zàoxíng zhuāngshì fǎnyǐnglè Ōuyà cǎoyuán yóumù wénhuà de yuǎnsù. [Gold, silver, and bronze animal-shaped ornaments found in Majiayuan reflect elements of the Eurasian steppe nomadic culture.]. In *Qin yu rong: qin wenhua yu xirong wenhua shinian kaogu chengguo zhan* [Qin and Rong: Exhibition of Ten-Year Archaeological Achievements of Qin Culture and Western Rong Culture]. Beijing: Wenwu, 2021. P. 24–70. (In Chin.).

Rudenko S. I. Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 402 p. (In Russ.).

Rudenko S. I. Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoye vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960. 350 p. (In Russ.).

Shulga P. I. Snaryazheniye verkhovoy lozhadi v Gornom Altaye i Verkhnem Priobye (VI–III vv. do n.e.). Pt. II. Novosibirsk: RIC NSU, 2015. 322 p. (In Russ.).

Shulga P. I. Kolesnichyestvo i verkhovaya yezda u skifoidnogo naseleniya Severnogo Kitaya (kultura yanglan). In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomorya*, 2023. No. 15. P. 635–651. (In Russ.).

Shulga P. I., Shulga D. P. “Elliny” ili “skify”: problema inokulturnykh vliyaniy v Severnom Kitaye vo vtor. pol. I tys. do n.e. In *Scholé. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya*, 2024. Vol. 18, No. 1. P. 204–223. (In Russ.).

Wu Xiaoyun. Shandiande xionglu, menghu yu ye shanyang: Majiayuan mache caoyuan zhuangshi de laiyan yu chuanbo tujing [Deer, tigers and wild goats on the mountain tops: the origin and transmission of steppe decorative traditions on Majiayuan chariots]. In *Palace Museum Academic Quarterly*, 2016. Vol. 34, No. 1. P. 1–50. (In Chin.).

Yang Jianhua, Katheryn M. Linduff. A Contextual Explanation for “Foreign” or “Steppic” Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor. *Asian Archaeology*, 2013. Vol. 1. P. 73–84.

Шульга П. И. <https://orcid.org/0000-0003-4684-8456>

Шульга Д. П. <https://orcid.org/0000-0001-5820-1743>

Дата сдачи рукописи: 25.05.2026 г.